СОГЛАШЕНИЕ О МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОДСУДНОСТИ С УЧАСТИЕМ ПОТРЕБИТЕЛЯ: ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ЗАЩИТНОЙ ЮРИСДИКЦИИ ПОТРЕБИТЕЛЮ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ[1]

Людмила Вячеславовна ТЕРЕНТЬЕВА,
доцент кафедры международного частного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент
terentevamila@mail.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Аннотация. *Общемировая практика заключения на трансграничных электронных площадках потребительских соглашений, содержащих в себе юрисдикционные оговорки в пользу иностранных судов, обусловила необходимость исследования общих вопросов действительности соглашений о международной подсудности с участием потребителя. В отсутствие специальных требований, предъявляемых к условиям заключения соглашений о международной подсудности с участием потребителя, автором проводится исследование условий исполнимости соглашений об изменении внутригосударственной территориальной подсудности с целью оценки их возможной экстраполяции на трансграничные отношения. На основе анализа российского законодательства и судебной практики автором формулируются условия предоставления потребителю защитной юрисдикции при заключении с профессиональной стороной соглашений, предусматривающих подсудность иностранного суда.*

Ключевые слова: *международная судебная юрисдикция, информационно-коммуникационное пространство, Интернет, потребители, трансграничные потребительские споры, направленная деятельность, распространение рекламы, юрисдикционные оговорки, защитная юрисдикция, соглашение о международной подсудности, профессиональная сторона.*

DOI: 10.17803/2311-5998.2019.62.10.110-124

© Л. В. Терентьева, 2019

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ «Сетевое право в условиях сетевого общества: новые регуляторные модели», проект № 18-29-16061, реализуемого по результатам конкурса на лучшие научные проекты междисциплинарных фундаментальных исследований (код конкурса 26-816 Трансформация права в условиях развития цифровых технологий).

L. V. TERENTEVA,
Associate Professor of the Department of International Private Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Law, Associate Professor
terentevamila@mail.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

THE INTERNATIONAL CHOICE OF COURT CONSUMER AGREEMENT: PROVISION OF PROTECTIVE JURISDICTION TO CONSUMER IN DIGITAL ERA

Abstract. *The article raises issues of validity of the international choice of court consumer agreements in favor of foreign jurisdiction taking into account the worldwide practice of concluding agreements on electronic platforms. The author addresses the issue of the conditions of consumer contracts on changes in domestic territorial jurisdiction in order to assess their possible extrapolation to cross-border relations. Based on an analysis of Russian legislation and judicial practice, the author formulates the conditions for providing the consumer with protective jurisdiction.*
Keywords: *jurisdiction; Internet; cyberspace; consumers; choice of court agreement; directed activity; targeting advertisement; protective jurisdiction; jurisdiction over consumer contracts.*

Свобода сторон определять условия и содержание договора является общим принципом договорного права, который признается фактически во всех правовых системах. В международном частном праве свобода сторон дополняется автономией воли в отношении выбора права, подлежащего применению к договору, и выбора правоприменительного органа, где может быть рассмотрен потенциальный спор. Между тем применительно к отдельным видам трансграничных частноправовых соглашений в силу неравенства переговорных возможностей сторон в праве ряда государств предусмотрено предоставление экономически слабой стороне[2] более благоприятных условий по сравнению с общепринятыми правилами как по выбору в соглашении сторон применимого права, так и по выбору сторонами суда того или иного государства (Германия, Австрия, Франция и др.). В Российской Федерации законодательно предусмотрены защитные механизмы при выборе сторонами потребительского соглашения применимого права, которые выражены в невозможности лишения потребителя

[2] Конституционный Суд РФ отметил, что законодатель не вправе ограничиваться формальным признанием юридического равенства сторон и должен предоставлять определенные преимущества экономически слабой и зависимой стороне (постановление от 23.02.1999 № 4-П «По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 29 Федерального закона от 3 февраля 1996 года “О банках и банковской деятельности” в связи с жалобами граждан О. Ю. Веселяшкиной, А. Ю. Веселяшкина и Н. П. Лазаренко» // Российская газета. 03.03.1999. № 40).

защиты его прав, предоставляемой императивными нормами страны его места жительства (п. 1 ст. 1212 ГК РФ)[3].

Что касается предоставления защитной юрисдикции потребителю, то здесь следует отметить отсутствие специальных требований российского законодательства, предъявляемых к условиям действительности соглашения о международной подсудности (соглашения о передаче возникшего или будущего спора компетентному суду, входящему в государственную судебную систему того или иного государства) с участием потребителя. В статье 404 ГПК РФ закреплен общий подход, предоставляющий сторонам возможность заключения соглашения об изменении подсудности с участием иностранных лиц.

При этом никаких ограничений при заключении соглашения о международной подсудности с участием потребителя в процессуальном Кодексе не содержится.

В равной степени в российском законодательстве отсутствуют нормы, регулирующие действительность и арбитражных оговорок в потребительских соглашениях. Как было отмечено в определении Конституционного Суда РФ от 04.10.2012 № 1831-О, «в силу пункта 2 статьи 1 Федерального закона "О третейских судах в Российской Федерации" в третейский суд может по соглашению сторон третейского разбирательства передаваться любой спор, возникающий из гражданских правоотношений, если иное не установлено федеральным законом. Закон Российской Федерации "О защите прав потребителей"... не содержит прямых изъятий из подведомственности дел третейским судам». В то же время в указанном определении оговариваются и последствия такого включения арбитражной оговорки в потребительское соглашение. Так, соглашение сторон о передаче спора на рассмотрение и разрешение третейского суда является основанием для оставления судом первой инстанции заявления без рассмотрения при условии, что от ответчика до начала рассмотрения дела по существу поступит возражение относительно рассмотрения и разрешения спора в данном суде[4].

Между тем, принимая во внимание общемировую тенденцию роста заключаемых потребительских соглашений на трансграничных электронных площадках, исследование вопросов действительности соглашений о международной подсудности с участием потребителя приобретает дополнительную актуальность. Боль-

---

[3] В пункте 1 ст. 1212 ГК РФ также предусмотрено, что правило ограничения автономии воли сторон будет работать только при наличии двухфакторной совокупности условий: во-первых, профессиональная сторона осуществляет свою деятельность в стране места жительства потребителя либо любыми способами направляет свою деятельность на территорию этой страны или территории нескольких стран, включая территорию страны места жительства потребителя, во-вторых, договор связан с такой деятельностью профессиональной стороны.

[4] Определение Конституционного Суда РФ от 04.10.2012 № 1831-О «По запросу Приморского районного суда города Санкт-Петербурга о проверке конституционности абзаца шестого статьи 222 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации во взаимосвязи с положениями пункта 1 статьи 16, пунктов 1 и 2 статьи 17 Закона Российской Федерации "О защите прав потребителей" и пункта 2 статьи 1 Федерального закона "О третейских судах в Российской Федерации"» // URL: http://www.ksrf.ru (дата обращения: 16.09.2019).

шинство публичных оферт или типовых договоров, заключаемых потребителями, содержат в себе юрисдикционные оговорки в пользу иностранных судов. Так, М. В. Мажориной проведен анализ пользовательских соглашений, являющихся, по сути, договорами присоединения компаний платформенного типа, таких как Google, eBay, Amazon, в условиях которых предусмотрены не только иностранное право и юрисдикция иностранных судов, но и арбитражные оговорки, а также оговорки о разрешении споров с применением ADR-, ODR-процедур[5].

В отсутствие специального регулирования потребительских соглашений о международной подсудности следует обратиться к условиям действительности соглашений об изменении внутригосударственной территориальной подсудности с участием потребителя с целью оценки их возможной экстраполяции на трансграничные отношения.

Территориальная подсудность дел о защите прав потребителей предусмотрена в двух правовых актах: ГПК РФ и Законе РФ «О защите прав потребителей» 1992 г. (далее — ЗоЗПП). Положения в отношении подсудности потребительских споров содержатся в гл. 3 ГПК РФ, которая регулирует вопросы подведомственности и подсудности применительно к внутренним отношениям. Так, в соответствии с ч. 7 ст. 29 ГПК РФ потребитель вправе по своему выбору предъявлять иски о защите его прав по месту жительства или месту нахождения ответчика, по месту жительства или месту пребывания истца, либо по месту заключения или месту исполнения договора.

Аналогичным образом возможность предъявления иска потребителем к предпринимателю закреплена и в ст. 17 ЗоЗПП. Прямого запрета изменения сторонами территориальной подсудности споров с участием потребителей в законодательстве не содержится, о чем свидетельствуют предусмотренная в ГПК РФ возможность сторон по соглашению между собой изменять территориальную подсудность (ст. 32), а также отсутствие потребительских споров в перечне споров, составляющих исключительную подсудность (ст. 30).

Между тем ЗоЗПП не содержит норм, которые закрепляли бы право сторон потребительского соглашения изменять территориальную подсудность с участием потребителя, в результате чего сложилась судебная практика о возможности рассмотрения спора в суде по месту жительства потребителя на основании ч. 7 ст. 29 ГПК РФ, даже если в соглашении об изменении территориальной подсудности между предпринимателем и потребителем был оговорен иной суд. В этой ситуации суды руководствуются постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17, в п. 26 которого отмечено, что даже при наличии соглашения о подсудности между потребителем и профессиональной стороной суды не вправе возвратить исковое заявление со ссылкой на п. 2 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ, так как в силу ч. 7, 10 ст. 29 ГПК РФ выбор между несколькими судами, которым подсудно дело, принадлежит истцу[6].

---

[5] *Мажорина М. В.* Сетевая парадигма международного частного права: контурирование концепции // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4. С. 140—159.

[6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Российская газета. 11.09.2012. № 156.

Таким образом, с одной стороны, соглашение об изменении территориальной подсудности с участием потребителя допускается в соответствии с ГПК РФ, с другой стороны, потребитель, заключивший с предпринимателем действительное в соответствии с ГПК РФ соглашение об изменении территориальной подсудности, может обратиться в суд с исковым заявлением о признании данного соглашения недействительным на основании ст. 16 ЗоЗПП, как условия договора, ущемляющего права потребителя по сравнению с правилами, установленными законами или иными правовыми актами РФ в области защиты прав потребителей. Безусловно, отсутствие единого нормативного подхода к условиям действительности соглашения об изменении внутригосударственной территориальной подсудности с участием потребителя не способствует созданию ситуации правовой определенности в данной сфере. На необходимость соответствия процессуальных норм, содержащихся в ЗоЗПП, Гражданскому процессуальному кодексу РФ, обладающему более высокой юридической силой в рассматриваемом вопросе, обращалось внимание в отечественной доктрине. Так, Л. А. Терехова подчеркивала, что только ГПК РФ должен регулировать правила подсудности, и интервенция норм из других федеральных законов в данном вопросе недопустима[7].

Следует отметить, что и ГПК РФ, и ЗоЗПП предусматривают только возможность обращения с иском потребителя к предпринимателю. Обратная ситуация предъявления иска предпринимателя к потребителю в указанных актах не регулируется, в связи с чем имеет место неоднозначность подходов в судебной практике относительно права оспаривания потребителем соглашения об изменении подсудности, когда истцом выступает уже не потребитель, а предприниматель.

В рамках первого подхода суды руководствуются тем, что споры с участием потребителей всегда должны рассматриваться в суде по месту жительства потребителя, исходя из критерия удобства участия самого потребителя в судебном разбирательстве, и данная гарантия, предоставляемая потребителю-гражданину законом, не может быть изменена или отменена договором[8]. Данный подход основывался на позиции Роспотребнадзора, который в своем письме от 24.07.2008 № 01/7907-8-27 отмечал императивность положений, установленных в п. 2 ст. 17 ЗоЗПП, и невозможность их изменения по усмотрению сторон обязательства (пп. 1 п. 3)[9].

---

[7] *Терехова Л. А.* Фетишизация правил подсудности в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 6. С. 10—12.

[8] См.: постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 14.09.2018 № Ф03-3171/18 по делу № А04-50/2018 ; постановление Арбитражного суда Центрального округа от 14.08.2017 № Ф10-2780/17 по делу № А68-8886/2016 ; апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Ростовского областного суда от 13.08.2018 по делу № 33-14207/2018 ; апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Ивановского областного суда от 02.07.2018 по делу № 33-1379/2018 ; апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Кемеровского областного суда от 17.05.2018 по делу № 33-5314/2018 ; апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда от 04.12.2017 по делу № 33-36522/2017.

[9] См.: письмо Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека от 24.07.2008 № 01/7907-8-27 «О дополнительных мерах по

В письме Роспотребнадзора от 23.08.2013 № 01/9560-13-32 было также указано, что включение в кредитный договор, типовой кредитный договор, правила кредитования, договор присоединения и подобные документы (носители информации) условий о «договорной подсудности» (о конкретном месте разрешения спора) является предоставлением потребителю неполной информации о его правах, связанных с предоставлением финансовой услуги по кредитованию, что влечет за собой наступление для кредитной организации, практикующей такое «обслуживание» потребителей, административной ответственности, предусмотренной законом[10].

Подтверждение данной позиции имело место в п. 7 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13.09.2011 № 146, согласно которому условие кредитного договора о том, что споры по иску банка к заемщику-гражданину рассматриваются судом по месту нахождения банка, само по себе нарушает законодательство о защите прав потребителей, в связи с чем банк должен быть привлечен к административной ответственности за правонарушение, предусмотренное ч. 2 ст. 14.8 КоАП РФ (включение в договор условий, ущемляющих права потребителя, установленные законодательством о защите прав потребителей, влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от 1 000 до 2 000 руб.; на юридических лиц — от 10 000 до 20 000 руб.).

Хотя указанные разъяснения касаются только сферы оказания финансовых услуг гражданам-потребителям, сложно согласиться с высказанным в научной литературе мнением, что данная позиция Роспотребнадзора не может быть признана универсально применимой для всех потребительских правоотношений[11]. Как представляется, в письме Роспотребнадзора от 23.08.2013 № 01/9560-13-32 дается общее разъяснение относительно соотношения аналогичных по содержанию положений п. 2 ст. 17 ЗоЗПП и ст. 32 ГПК РФ. Так, в п. 3 указанного письма отмечено, что в первую очередь следует исходить из того, что нормы гражданского процессуального законодательства (в том числе ст. 32 ГПК РФ) устанавливают порядок гражданского судопроизводства (регулируют специальные процессуальные правоотношения) и не регулируют гражданские правоотношения общего характера (ст. 2 ГК РФ и ст. 1 ГПК РФ), в том числе в части обязательств сторон гражданского договора (ст. 307 ГК РФ). При этом стороны обязательства (ст. 308 ГК РФ), в свою очередь, изначально (т.е. в момент заключения договора как гражданско-правовой сделки) не могут определяться в качестве сторон в гражданском судопроизводстве (ч. 1 ст. 38 ГПК РФ).

защите прав потребителей в сфере предоставления кредитов» (дополнение к письму от 01.04.2008 № 01/2973-8-32) // СПС «ГАРАНТ».

[10] Письмо Роспотребнадзора от 23.08.2013 № 01/9560-13-32 «Об Обзоре Верховного Суда Российской Федерации по отдельным вопросам судебной практики, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств» // СПС «ГАРАНТ».

[11] См.: *Чимбирева А. А.* Включение в договор с пациентом условия о договорной подсудности спора: ущемление прав потребителя или свобода договора? // Health and Social Care Journal. 2018. № 2 (7). С. 23—26.

Таким образом, можно заключить, что в ключе первого подхода сложилась практика безусловного оспаривания соглашения об изменении территориальной подсудности с участием потребителя.

В то же время имеет место и иная судебная практика как в судах общей юрисдикции, так и арбитражных судах, где допускается возможность потребителя оспаривать соглашения об изменении территориальной подсудности, но в пределах определенного срока. Соответствующие решения суда можно объединить в рамках второго подхода, предполагающего возможность условного оспаривания. Данный подход базируется на определении Конституционного Суда РФ от 17.01.2012 № 145-О-О, а также п. 2 Обзора судебной практики по гражданским делам, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств, Президиума Верховного Суда РФ 2013 г. В указанных определении и Обзоре отмечено, что, если содержащееся в кредитном договоре условие, определяющее территориальную подсудность дел, возникающих между спорящими сторонами кредитных отношений, в установленном законом порядке не оспаривалось, то на день рассмотрения судом дела это условие продолжает действовать[12].

Последующая судебная практика подтверждала отсутствие оснований для возвращения искового заявления, поданного банком к потребителю, если сторонами было заключено соглашение об изменении территориальной подсудности на основании ст. 32 ГПК РФ и до подачи искового заявления в суд оно не оспаривалось и недействительным не признавалось[13]. В решениях арбитражных судов допустимость заключения соглашений об изменении территориальной подсудности с участием потребителя обосновывалось тем, что и ГПК РФ и ЗоЗПП не относят подсудность дел о защите прав потребителей к исключительной подсудности[14].

Здесь следует отметить, что вышеуказанные определение Конституционного Суда и Обзор судебной практики Президиума Верховного Суда РФ касаются

---

[12] См.: Обзор судебной практики по гражданским делам, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.05.2013) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2013. № 9 ; определение Конституционного Суда РФ от 17.01.2012 № 145-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Величковского Леонида Борисовича на нарушение его конституционных прав статьями 28, 29, 32, 33 и 222 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2012. № 4.

[13] См.: апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Хакасия от 18.12.2018 по делу № 33-3187/2018 ; апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Кемеровского областного суда от 06.12.2018 по делу № 33-12403/2018 ; определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Татарстан от 06.12.2018 по делу № 33-20170/2018 ; апелляционное определение судебой коллегии по гражданским делам Томского областного суда от 27.11.2018 по делу № 33-3799/2018 ; апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 30.10.2018 по делу № 33-37627/2018.

[14] См.: постановление ФАС Московского округа от 01.09.2009 № Ка-а40/8283-09 по делу № а40-74607/08-92-611.

только потребительских отношений в сфере предоставления финансовых услуг, в связи с чем не следует распространять указанную возможность условного оспаривания потребителем соглашения об изменении территориальной подсудности на всю палитру потребительских отношений.

Таким образом, логично предположить, что безусловное оспаривание соглашения об изменении территориальной подсудности должно иметь место в отношении всех иных потребительских соглашений, не оговоренных в определении Конституционного Суда РФ от 17.01.2012 № 145-О-О, а также п. 2 Обзора судебной практики по гражданским делам, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств, Президиума Верховного Суда РФ 2013 г.

Ограничение возможности потребителя оспаривать соглашение об изменении подсудности в срок до начала рассмотрения дела судом была критически оценена в доктрине. Так, Н. Г. Елисеев считал, что подобный механизм возлагает на потребителя бремя предъявления превентивного иска о недействительности такого соглашения о подсудности под угрозой утраты права его оспорить, если банк успеет раньше обратиться в суд договорной компетенции[15]. В связи с этим автором было обращено внимание на конструкцию ст. 32 ГПК РФ «*для данного дела*», которая позволила сделать заключение о том, что соглашение о подсудности допустимо только в отношении уже возникшего спора (юридического дела), т.е. стороны могут договориться об изменении конкретного, уже возникшего спора, в отличие от ст. 37 АПК РФ, из которой следует, что стороны вправе изменять подсудность споров, которые *могут возникнуть* в отношениях сторон.

Н. Г. Елисеевым справедливо отмечено, что судебной практики, которая подтверждала бы подобное толкование, на сегодняшний день нет.

Сходная конструкция ст. 32 и ст. 404 ГПК РФ позволяет распространить вывод Н. Г. Елисеева и в отношении ст. 404 ГПК РФ, исходя из формулировки которой можно предположить, что право сторон заключить соглашение о международной подсудности по делу с участием иностранного лица до принятия его судом к своему производству может быть также реализовано лишь после возникновения спорного правоотношения. Здесь следует отметить, что, как и в отношении внутренних соглашений об изменении территориальной подсудности, российская судебная практика не подтверждает предполагаемое толкование ст. 404 ГПК РФ.

Подобный механизм закреплен в Гаагской конвенции о взаимном признании и исполнении судебных решений по гражданским и торговым делам 2019 г.[16] Возможность признания или приведения в исполнение против потребителя по вопросам, связанным с потребительским договором, в соответствии с данной Конвенцией обусловлена необходимостью выражения согласия ответчика на

[15] *Елисеев Н. Г.* Договорная подсудность — какой ей быть в едином Гражданском процессуальном кодексе РФ? // Закон. 2015. № 12. С. 191—198.

[16] 02.07.2019 Российская Федерация по результатам 22-й дипломатической сессии Гаагской конференции по международному частному праву подписала заключительный акт, которым утверждается текст Конвенции о взаимном признании и исполнении судебных решений по гражданским и торговым делам. На сегодняшний день Конвенция не вступила в силу ни в одном государстве (Конвенция подписана только Уругваем, но без осуществления процедуры ратификации, принятия, одобрения или присоединения).

юрисдикцию суда, рассматривающего спор, которое адресуется суду в устном или письменном виде. При этом для данного соглашения не применяется п. «m» ч. 1 ст. 5 Конвенции, где предусмотрена возможность заключения соглашения с помощью иных средств коммуникации, которые позволяют получить доступ к информации, и возможность последующей ссылки на нее. Конструкция «адресованного суду согласия» позволяет заключить, что данное согласие на юрисдикцию соответствующего суда потребителем подтверждается после возникновения спорного отношения.

Следует отметить, что аналогичная модель предоставления защитной юрисдикции потребителю при заключении соглашений о международной подсудности имеет место в праве ЕС. Так, в Регламенте Совета Европейского Союза № 44/2001 от 2000 г. «О юрисдикции, признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским и коммерческим делам» (Регламент 2000 г. отменен, в настоящий момент действует новый Регламент Европейского парламента и Совета Европейского Союза 1215/2012 от 12.12.2012 «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам» (далее — Брюссель I bis))[17] действительность соглашения о международной подсудности с потребителем зависит от условий, предусмотренных в ст. 19 Брюсселя I bis: выбор судебного учреждения в таких договорах будет иметь юридическую силу только в том случае, если соглашение о подсудности будет заключено после возникновения спора; устанавливается дополнительная, не предусмотренная Брюсселем I bis юрисдикция суда; а также определяется юрисдикция правоприменительного органа страны общего места жительства обеих сторон на момент заключения договора.

Необходимо подчеркнуть, что предоставление подобной защитной юрисдикции Брюсселем I bis при заключении соглашения о международной подсудности имеет место только при наличии *двухфакторной совокупности условий,* которая проявляется в факте осуществления предпринимателем коммерческой деятельности в государстве — члене ЕС, в котором домицилирован потребитель, либо направлении такой деятельности на данное государство — член ЕС, либо на государства — члены ЕС (в том числе в государстве, в котором домицилирован потребитель), а также в факте заключения договора в рамках такой коммерческой деятельности лица (п. 1 (c) ст. 17 Брюссель I bis).

Условие о направленной деятельности профессиональной стороны на страну места жительства потребителя, предусмотренного в ст. 17 Брюсселя I bis, потребовало дополнительного уточнения при осуществлении профессиональной стороной предпринимательской деятельности в сети Интернет. Учет специфики ведения бизнеса онлайн имел место в предложении Европейского Парламента 1999 г.[18] и в совместном заявлении Совета и Комиссии в отношении ст. 15 Регла-

[17] Regulation (EU) No. 1215/2012 of the European Parliament and of the Council of 12 December 2012 on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in civil and commercial matters // URL: https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2012:351:0001:0032:en:PDF (дата обращения: 16.06.2019).

[18] European Parliament. “Proposal for a Council Regulation (EC) on Jurisdiction and the Recognition and Enforcement of Judgments in Civil and Commercial Matters (Presented by the Commission)”. COM (1999) 348 final 99/0154 (CNS).

мента (ЕС) № 44/2001 (ст. 17 в редакции от 12.12.2012)[19], в которых было отмечено, что факт доступности интернет-сайта потребителю не считается достаточным для применения данной статьи. В последнем документе также подчеркивается необходимость принятия во внимание, что, во-первых, такой интернет-сайт должен способствовать заключению дистанционных договоров и, во-вторых, договор должен быть заключен дистанционно с помощью любых средств связи.

В российском законодательстве не имеется специальных правил, регулирующих действительность соглашений о международной подсудности, которые аналогично европейской модели предусматривали бы необходимость заключения таких соглашений только после возникновения спора. В этой связи в российской доктрине справедливо обращалось внимание на необходимость закрепления ограничительных условий при заключении соглашений о международной подсудности с участием потребителя, подобных тем, которые предусмотрены в ст. 19 Брюсселя I bis[20].

Что касается предоставления потребителю защитной юрисдикции, то в российской судебной практике имеют место различные последствия оспаривания потребителем соглашения об изменении внутренней подсудности и соглашения о международной подсудности. При заключении соглашения о международной подсудности в пользу иностранного суда действительность данного соглашения может быть оспорена потребителем путем предъявления иска по своему месту жительства на основании ч. 7 ст. 29 ГПК РФ и ст. 17 ЗоЗПП только в том случае, если спор подсуден российскому суду на основании ст. 402 ГПК РФ. В этой связи спорной представляется точка зрения В. А. Канашевского о возможности потребителей реализовать свое право на защиту в российских судах при наличии в договоре оговорки о юрисдикции иностранного суда[21]. Как представляется, реализация такого права может иметь место только в том случае, если соблюдены основания международной подсудности, предусмотренные в ст. 402 ГПК РФ.

Так, при применении правил международной подсудности в ч. 1 ст. 402 ГПК РФ говорится, что если иное не установлено правилами гл. 44 ГПК РФ, подсудность дел с участием иностранных лиц судам в Российской Федерации определяется по правилам гл. 3 ГПК РФ. Нормы, определяющие внутреннюю и международную подсудность, соотнесены как общие и специальные, а именно, положения подсудности, предусмотренные в гл. 44 ГПК РФ, имеют специальный характер по отношению к общим, предусмотренным в гл. 3ГПК РФ, что подтверждается и судебной практикой. Так, в судебных решениях было отмечено, что подсудность дел с участием иностранных лиц судам в Российской Федерации определяется по правилам гл. 3 ГПК РФ только в том случае, если иное не установлено пра-

[19] European Commission, Justice and Home Affairs DG Statement on Articles 15 and 73 // URL: http://ec.europa.eu/civiljustice/homepage/homepage_ec_en_declaration.pdf (дата обращения: 03.09.2019).

[20] *Резник Р. С.* Международная подсудность споров из договоров с участием потребителя // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 4. С. 165—173.

[21] *Канашевский В. А.* Коллизионное регулирование договоров с участием потребителей // Международное публичное и частное право. 2016. № 4. С. 22—25.

вилами гл. 44 ГПК РФ, а именно, когда спор подсуден суду РФ[22]. В этой связи не будут применимы нормы ГПК РФ и ЗоЗПП, регулирующие вопросы внутригосударственной подсудности исков, связанных с защитой прав потребителей, если спор на основании гл. 44 ГПК РФ не подсуден суду РФ[23].

Если ответчик не имеет на территории РФ ни имущества, ни органа управления, ни филиала или представительства иностранного лица, если исполнение по договору имело место на территории иностранного государства, а также иск не вытекает из неосновательного обогащения, т.е. в силу положений гл. 44 ГПК РФ спор не подлежит рассмотрению российским судом, то у суда нет оснований для рассмотрения дела и по правилам внутренней подсудности, установленным гл. 3 ГПК РФ[24].

Таким образом, если отсутствуют основания для установления исключительной подсудности (ст. 403 ГПК РФ), специальные основания установления общей подсудности (ч. 2 ст. 402 ГПК РФ) и основания альтернативной подсудности (ч. 3 ст. 402 ГПК РФ), то соглашение о международной подсудности между российским потребителем-истцом и иностранным ответчиком в пользу иностранного суда признается исполнимым, в результате чего суд на основании п. 2 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ возвращает исковое заявление[25].

Если же основания, предусмотренные в ст. 402 ГПК РФ, наличествуют, то даже при оговоренной в соглашении сторонами подсудности иностранного суда российский суд не вправе возвратить исковое заявление, принимая во внимание предусмотренную в ч. 7 ст. 29 ГПК РФ возможность истца выбрать подсудность[26].

Следует отметить, что положения ч. 10 ст. 29 ГПК РФ, согласно которой выбор между несколькими судами, которым подсудно дело, принадлежит истцу, применимы только в том случае, если потребитель оспаривает условие договора о территориальной подсудности. Если предметом иска не является оспаривание условий договора в отношении территориальной подсудности спора, то указанные правила не применимы[27].

---

[22] Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Смоленского областного суда от 13.11.2018 по делу № 33-4259/2018 ; апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда от 18.03.2015 по делу № 33-3004/2015.

[23] Апелляционное определение судебой коллегии по гражданским делам Верховного Суда Удмуртской Республики от 02.02.2015 по делу № 33-503/2015 ; апелляционное определение Московского городского суда от 06.03.2013 № 11-7512/13.

[24] Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда от 18.03.2015 по делу № 33-3004/2015 ; апелляционное определение Московского городского суда от 06.03.2013 № 11-7512/13.

[25] Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Смоленского областного суда от 13.11.2018 по делу № 33-4259/2018 ; апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Удмуртской Республики от 02.02.2015 по делу № 33-503/2015 ; апелляционное определение Московского городского суда от 18.05.2016 № 4г-4816/16.

[26] Апелляционное определение Московского городского суда от 16.07.2015 № 33-25441/15 ; апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 18.04.2019 по делу № 33-17589/2019.

[27] Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Смоленского областного суда от 13.11.2018 по делу № 33-4259/2018.

Здесь, например, может иметь место редко встречающаяся на практике модель, когда российский потребитель оспаривает подсудность спора российскому суду на основании дерогационного соглашения в пользу юрисдикции иностранного суда, а с иском в российский суд обращается иностранный предприниматель по месту жительства ответчика-потребителя. В этом случае суд на основании ст. 404 ГПК РФ при условии действительности указанного пророгационного соглашения должен возвратить исковое заявление на основании п. 2 ч.1 ст. 135 ГПК РФ. При этом целесообразна проверка действительности и исполнимости российским судом указанного соглашения с точки зрения не только российского права, но и иностранного процессуального права страны, избранного сторонами суда с целью избежания ситуации, при которой ни один суд не будет признавать себя компетентным рассматривать спор.

Подытоживая, можно утверждать, что предоставление потребителю защитного механизма от юрисдикции иностранного суда, предусмотренного ч. 7 ст. 29 ГПК РФ и ст. 17 ЗоЗПП, при наличии соглашений о международной подсудности в пользу иностранного суда возможен только в том случае, если отсутствуют предусмотренные в ст. 402 ГПК РФ условия.

Специфика ведения предпринимательской деятельности в информационно-коммуникационном пространстве в некоторых случаях может смещать акцент в отношении привычного восприятия потребительской позиции как слабой стороны по договору. Так, заключение договора в цифровой среде может представлять дополнительные трудности не только для потребителя, в отношении которого большинство онлайн-ресурсов и электронных торговых площадок работают по принципу предоплаты, но и предпринимателя, доступность электронного ресурса которого может обусловливать негативные последствия в виде эффекта мульти-юрисдикции, когда предприниматель может быть привлечен в суды иностранных государств места жительства потребителя.

Учитывая вышеизложенное, установление международной судебной юрисдикции в отношении предпринимателя должно иметь место при условии предвидения предпринимателем такого установления. Как представляется, аналогичными соображениями руководствовались разработчики ст. 402 ГПК РФ, дополнив в 2015 г. п. 2 ч. 3 ст. 402 ГПК РФ таким правилом международной судебной юрисдикции, как «распространение рекламы в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, направленной на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории Российской Федерации».

Здесь можно усмотреть, что критерий «направленной деятельности» близок по смыслу предусмотренному в Брюсселе I bis критерию «направленной деятельности», существенной содержательной частью которого также является распространение рекламы. Основание установления международной подсудности в виде направленного распространения рекламы на потребителя в сети Интернет осуществляет защитную функцию от неблагоприятной иностранной юрисдикции в отношении как потребителя, который может оспорить соглашение о международной подсудности в пользу иностранного суда, так и предпринимателя, который может предвидеть установление юрисдикции российского суда при распространении рекламы в сети Интернет на потребителей, находящихся в России.

Внесенное в 2015 г. дополнение п. 2 ч. 3 ст. 402 ГПК РФ основанием «распространения рекламы в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, направленной на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории Российской Федерации», позволило сократить количество определений по возврату исковых заявлений по основанию отсутствия доказательств, подтверждающих, что ответчик имеет орган управления, филиал или представительство, находящиеся на территории России, или ответчик имеет имущество, находящееся на территории России.

Если истец прикладывает к исковому заявлению протокол осмотра сайта, из которого следует, что ответчик распространяет рекламу в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, направленную на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории Российской Федерации, то даже при наличии соглашения о юрисдикции иностранного суда у судьи отсутствуют основания для возврата искового заявления на основании ч. 7 ст. 29 ГПК РФ, в соответствии с которой потребитель сохраняет за собой право выбора суда[28].

В работе Е. В. Алексеевой, в которой исследуется защита прав потребителей при трансграничной электронной торговле, проводится анализ соглашений о выборе юрисдикции и применимого права с участием потребителя[29]. Автор говорит о негативных последствиях заключения потребителем публичных оферт или типовых договоров, в которых сформулированы юрисдикционные оговорки в пользу иностранных судов и арбитражей, но при этом не оценивает исполнимость подобных соглашений российскими судами.

Если основывать вывод на вышеприведенных судебных делах, то исполнимость указанных соглашений о юрисдикции иностранного суда может быть только при отсутствии оснований, предусмотренных в гл. 44 ГПК РФ. Ввиду этого при отсутствии у ответчика, осуществляющего предпринимательскую деятельность в сети Интернет, органа управления, филиала или представительства, а также имущества на территории России для обоснования юрисдикции российского суда на основании ч. 7 ст. 29 ГПК РФ необходимо будет доказывать наличие основания подсудности российского суда, предусмотренного в п. 2. ч. 3 ст. 402 ГПК РФ. Данный подход не вполне соответствует европейскому подходу, в рамках которого, как отмечено А. И.Савельевым, соглашения о подсудности, заключенные на электронных площадках, в которых в качестве компетентных указаны суды третьих стран (не членов ЕС), могут лишь дополнять существующую у потребителя возможность выбора. При этом потребитель не может отказаться от своих прав в договорном порядке, даже если право, применимое к такому договору, допускает такой отказ[30].

---

[28] Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 06.12.2017 по делу № 33-49786/2017 ; апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 18.04.2019 по делу № 33-17589/2019.

[29] *Алексеева Е. В.* Защита потребителей при трансграничной электронной торговле // Академический вестник. 2013. № 1 (23). С. 16—23.

[30] *Савельев А. И.* Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. М. : Статут, 2016.

В то же время вряд ли можно признать отсутствие в российском праве механизма защитной юрисдикции потребителя, принимая во внимание, что критерий «распространения рекламы в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, направленной на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории Российской Федерации», предусмотренный в п. 2 ч. 3 ст. 402 ГПК РФ, наряду с другими основаниями международной судебной юрисдикции, предусмотренными в ст. 402 ГПК РФ, выполняет ограничительную функцию исполнимости соглашений о международной подсудности между предпринимателем и профессиональной стороной в пользу иностранных судов.

В практике российских судов критерий распространения рекламы в сети Интернет на потребителя в Россйиской Федерации был применен в качестве дополнительного критерия обоснования юрисдикции российского суда наряду со ст. 29 ГПК РФ и ст. 17 ЗоЗПП в отношении иностранного ответчика. Так, судом было отмечено, что поскольку использование русифицированного сайта www.worldoftanks.ru, где «.ru» — национальный домен верхнего уровня для РФ, само по себе свидетельствует о цели привлечения потребителей из числа граждан РФ, юрисдикция российского суда должна осуществляться, принимая во внимание особый статус истца, который в защиту своих прав как потребителя продукции ответчика может предъявлять иск в суде по месту своего жительства, а также п. 2 ч. 3 ст. 402 ГПК РФ, ответчик осуществляет распространение информации в сети Интернет, направленной на привлечение внимания пользователей, находящихся на территории РФ[31].

Следует отметить, что, несмотря на заключенный договор между сторонами о рассмотрении всех споров в суде по месту регистрации иностранной компании Wargaming (за исключением подсудности дела любым иным судам), суд посчитал, что иск предъявлен в защиту своих прав как потребителя продукции ответчика, а потому дело подлежит рассмотрению в суде по месту жительства истца. Неприменение ст. 29 ГПК РФ и ст. 17 ЗоЗПП лишило бы истца возможности защиты своих законных интересов в российских судах.

Заключение

В отсутствие специальных требований, предъявляемых российским законодательством к условиям заключения соглашений о международной подсудности с участием потребителя, в российской судебной практике обозначились тенденции определения исполнимости таких соглашений. Принимая во внимание возможность истца на основании ч. 7 ст. 29 ГПК РФ выбрать подсудность и при условии наличия оснований подсудности, предусмотренных в ст. 402 ГПК РФ, российский суд обосновывает свою юрисдикцию, даже если в договоре с участием потребителя оговорена юрисдикция иностранного суда. Обратная ситуация имеет место при отсутствии оснований подсудности, предусмотренных в ст. 402 ГПК РФ, когда суды признают исполнимым пророгационное соглашение между российским потребителем и иностранным предпринимателем.

Поэтому весьма позитивным является расширение указанных оснований посредством дополнения п. 2 ч. 3 ст. 402 ГПК РФ критерием «направленной ре-

[31] Постановление Президиума Московского городского суда от 18.09.2018 по делу № 44г-0259/2018.

кламы», в виде «распространения рекламы в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, направленной на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории Российской Федерации». Прогрессивное значение данного критерия состоит в учете специфики заключения потребительских соглашений с инкорпорированными юрисдикционными оговорками в пользу иностранных судов на площадках платформенного типа.

Отсутствие физического места нахождения ответчика, равно как и его имущества, на территории РФ, при условии осуществления деятельности в сети Интернет, ориентированной на российского потребителя, обусловливает необходимость предоставления дополнительных гарантий защиты потребителя в виде возможности обращения за защитой своих прав и в российские суды. Вследствие этого защитные функции п. 7 ст. 29 ГПК РФ в возможном дезавуировании потребителем соглашения с профессиональной стороной о международной подсудности будут проявляться при условии наличия среди прочих оснований, предусмотренных в ст. 402 ГПК РФ, такого основания, как «распространение рекламы в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, направленной на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории Российской Федерации».

Таким образом, принимая во внимание специальный характер гл. 44 ГПК РФ по отношению к гл. 3 ГПК РФ, наличие критерия «направленной рекламы» способно «активировать» установление международной судебной юрисдикции на основании п. 7 ст. 29 ГПК РФ, в соответствии с которым истец может выбрать подсудность по своему выбору.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алексеева Е. В.* Защита потребителей при трансграничной электронной торговле // Академический вестник. — 2013. — № 1 (23). — С. 16—23.
2. *Елисеев Н. Г.* Договорная подсудность — какой ей быть в едином Гражданском процессуальном кодексе РФ? // Закон. — 2015. — № 12. — С. 191—198.
3. *Канашевский В. А.* Коллизионное регулирование договоров с участием потребителей // Международное публичное и частное право. — 2016. — № 4. — С. 22—25.
4. *Мажорина М. В.* Сетевая парадигма международного частного права: конструирование концепции // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 4. — С. 140—159.
5. *Резник Р. С.* Международная подсудность споров из договоров с участием потребителя // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2015. — № 4. — С. 165—173.
6. *Савельев А. И.* Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. — М. : Статут, 2016.
7. *Терехова Л. А.* Фетишизация правил подсудности в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. — 2009. — № 6. — С. 10—12.
8. *Чимбирева А. А.* Включение в договор с пациентом условия о договорной подсудности спора: ущемление прав потребителя или свобода договора? // Health and Social Care Journal. — 2018. — № 2 (7). — С. 23—26.